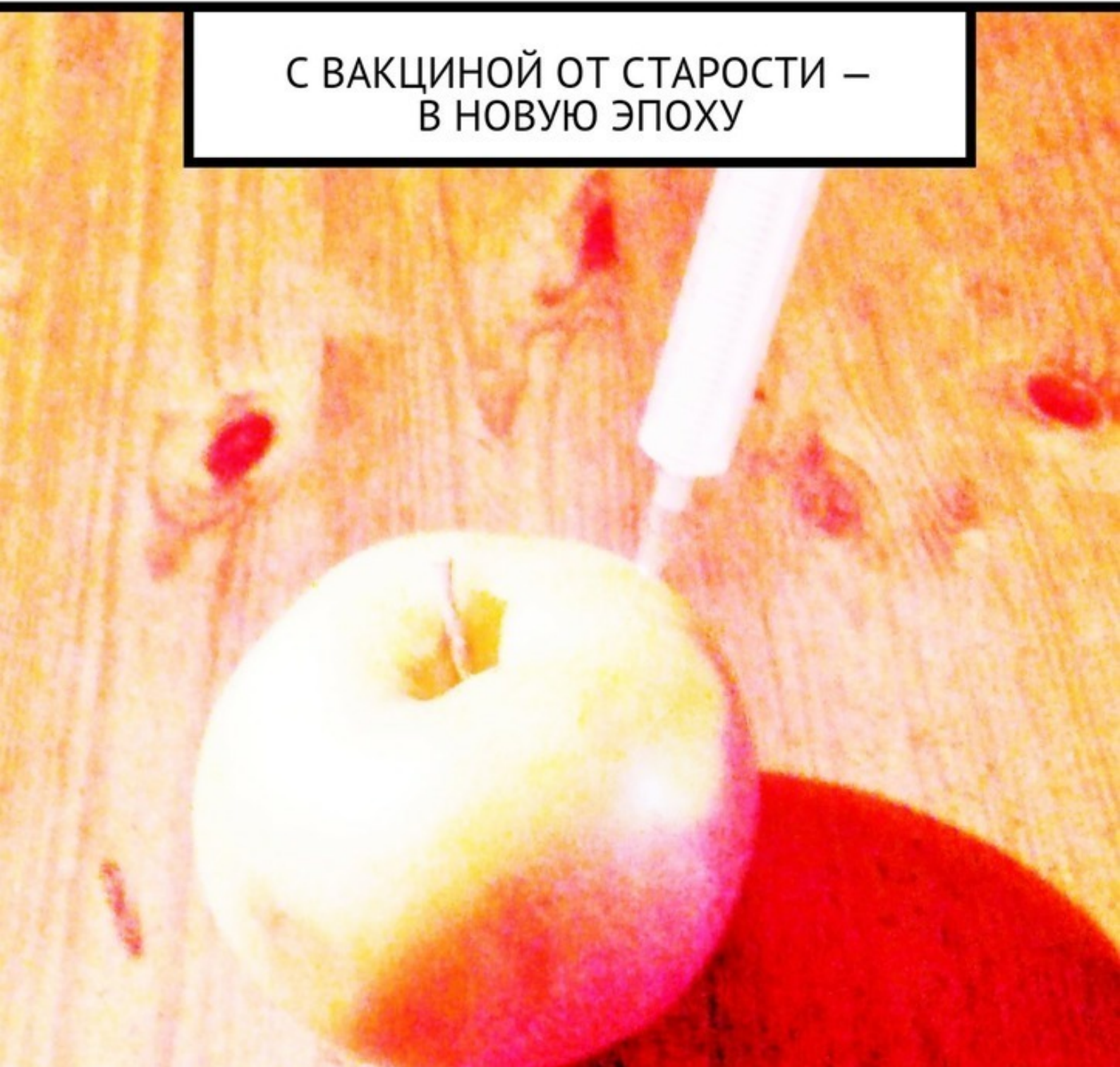

ВЛАДИМИР ПОЛОЖЕНЦЕВ

Право на бессмертие

С ВАКЦИНОЙ ОТ СТАРОСТИ –
В НОВУЮ ЭПОХУ

Владимир Положенцев

**Право на бессмертие. С вакциной
от старости – в новую эпоху**

«Издательские решения»

Положенцев В.

Право на бессмертие. С вакциной от старости – в новую эпоху /
В. Положенцев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837489-0

Недавно газеты написали: «Впервые в истории человечества, американские ученые решили повернуть биологические часы вспять. Они ввели в вену исследовательнице Элизабет Пэрриш генетический материал, который должен проникнуть внутрь ядра каждой клетки и выключить механизм старения...». О том, что подобный эксперимент начал русский биофизик Касаткин, СМИ не сообщали...

ISBN 978-5-44-837489-0

© Положенцев В.
© Издательские решения

Содержание

Контрабанда с Гавайев	6
Гениальная афера	18
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Право на бессмертие С вакциной от старости – в новую эпоху Владимир Положенцев

*«Человек, конечно, выбирает свою судьбу сам, но последнее слово
всегда остается за ней».*

© Владимир Положенцев, 2017

ISBN 978-5-4483-7489-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Контрабанда с Гавайев

Профессор биофизики Касаткин бросил на стол газету, откинулся на спинку широкого кресла, покрытого медвежьей ергачиной. Шкуру когда-то подарили Арнольду Марковичу студенты-двоечники за зачеты по физике. Уверяли, что настоящая, хотя профессор до сих пор сомневался. Впрочем, для него это не имело особого значения. Главное-тепла вещица и уютна. Ну и что, что взятка-помочь людям не грех, закопать грех. Может, потом из этих двоечников гении вырастут. Пушкин в математике был полным тупицей, Эдисона вообще выгнали из школы за «безнадежность к знаниям», а уж про «бездаря» Эйнштейна и говорить нечего. Кстати, об Эйнштейне.

Арнольд Маркович вновь взял в руки газету, но очков надевать не стал, хмыкнул, рассматривая подслеповатыми глазами цветное изображение неведомой экзопланеты, окруженной космическими станциями и прочими непонятными объектами.

– Даже центральной прессе теперь верить нельзя, пишут всякую чепуху. Якобы по тени, которую отбрасывает далекая планета на звезду, можно определить обитаема ли она. Ну это уж совсем!

Не на шутку разволновавшись, Арнольд Иванович подошел к кривоногому серванту прусской работы, налил себе полрюмки дорогого виски. Не в правилах профессора было употреблять с утра, но статья его уж очень зацепила. К тому же он нервничал. Скоро должен был прийти Янек Куцка. Говорит что поляк из Кракова, а изъясняется без акцента.

С удовольствием выпил, закусил соленым миндальным орешком. Благодарно похлопал по резной боковинке шкафа, неведомо кем вывезенного после войны из Германии. Внутри сразу проснулся суетливый товарищ, готовый внимательно слушать все профессорские изречения. Если понадобится, и поспорить. Касаткин сразу же к нему обратился:

– Скажите мне, мой друг, как можно делать конкретные выводы, на совершенно размытый домислах?! Это все равно что верить в барабашек.

Шкаф слегка вздрогнул, Арнольд Маркович отстранился, удивленно на него посмотрел, погрозил пальцем.

– Э-э, закон остаточной энергии.

По этому поводу налил себе еще.

– Я, конечно, прагматик и глубоко, нет, более чем глубоко убежден, что вселенная обитаема. В ней полно живых миров, иначе и быть не может. Физические законы Солнечной системы не могут отличаться от законов галактики, в которой она находится. Все идентично. Но! Эти черные дыры, кротовые норы в пространстве и времени, лазейки и туннели между параллельными мирами, о чем каждый день талдычат с экрана-глупость несусветная! К тому же, что нам до того- есть ТАМ жизнь или нет? Мы никогда не встретимся с обитателями внеземных цивилизаций, потому что теория «бездаря» Эйнштейна незыблема- нельзя достичь скорости света, а значит и преодолеть биологическому существу межзвездное пространство. Нет, теоретически, конечно, можно долететь на наших керосинках до Проксимы Центавра за 70 000 лет. Но кому это надо? Вам? Мне? А нам вот что надо!

Арнольд Маркович подошел к массивному письменному столу из темного ореха. Уселся в крутящееся кресло, провел рукой по зеленому бархату столешницы. Прикосновение к этой ткани всегда вызывало в нем прилив энергии и желание трудиться. Вообще, рабочее место было для него священным. Здесь, только здесь он ощущал себя почти богом, способным свершать самое удивительное и невероятное.

Включил настольную лампу в виде большой старинной керосинки, убавил свет, чтобы стало уютнее, вынул из ящика массивную коричневую папку с двумя застежками. Прежде, чем открыть, опять приложился к рюмке. Замечательный виски. Macallan 1939. Со вкусом

ириса и сладких тропических плодов. Его подарил Арнольду Марковичу профессор Оксфордского университета Генри Стил, когда приезжал в институт на симпозиум биофизиков. Ну, вернее, не ему лично, а кафедре, но в результате бутылка, стоимостью в 11 тысяч долларов, оказалась у него. Взял да и все. Попробовал бы кто что сказать заслуженному ученому. Декан Лобов, правда, как-то поинтересовался где презент, но Арнольд Маркович напомнил ему, что виски, особенно выдержанные, могут вызывать обострение хронического простатита. Декан сразу поник и к этой теме больше не возвращался.

Открыв папку, профессор вынул несколько скрепленных зеленой скрепкой листков. Послужив палец, полистал. Копии были сделаны в цвете, на них хорошо читался не только текст на русском языке, но и великолепно просматривались картинки. Золотисто-коричневые кустистые деревца под синей водой. Рядом – полосатые и красные рыбки с длинными хвостами, скаты и всякая разнообразная морская живность. Деревца имели губчатое строение, кое-где к их веткам прилипали белые ракушки и присоски. В общем, довольно обычный коралл *Leiorpathes annosa*, если бы не одно «но». Эти кораллы живут более 4000 лет. Обитают в районе Гавайских островов, на глубине в полкилометра, в национальном морском парке или памятнике, как говорят американцы.

– Папахан... Черт, не выговоришь, – засмеялся и потер руки профессор Касаткин. Папаханаумоуакеа. Уф, вот как. Для гавайцев этот самый парк-священное место, обиталище душ после смерти. То есть зона бессмертия. И с которым они поддерживают связь. Случайно ли, что этот коралл живет несколько тысячелетий? А, я вас спрашиваю?

Внутренний слушатель ничего на это не ответил.

Профессор Касаткин, как любой приличный ученый, конечно, не верил ни в мистику, ни в загробную жизнь. Но вот в интуицию, которую пока не может объяснить наука, верил безраздельно. Безусловно существует взаимосвязь между человеком и природой, то есть вселенной. Видимо, в наших генах имеется некая важная информация, которую мы можем ощущать только на инстинктивном уровне. Поэтому дикие народы порой понимают в мироздании больше, чем мы, замусоренные современными знаниями.

Да-а, -почесал широкий, добрый нос Касаткин, – морских обитателей в гавайском парке много: акулы и ежи, коньки, моллюски, другие кораллы, но почему именно *Leiorpathes annosa*, вид черного коралла, живет тысячелетия? Почему за это время его ДНК-матрица не стирается и получает точнейшую информацию с транспортной РНК? Ведь именно из-за сбоя этого механизма, рассчитанного как и всё на определенное время, организмы стареют и в результате гибнут. А вовсе не из-за каких-то мифических биологических часов, отсчитывающих время живого существа. Если покрыть молоточки и наковаленки ДНК и РНК неким не стираемым веществом, можно прожить...

– Бог его знает сколько, – подсказал внутренний собеседник.

– Точно! И поможет нам в этом именно гавайский черный коралл. Но для начала его нужно получить. И принесет его нам сегодня пройдоха Янек Куцка.

С Яном он познакомился на фуршете после закрытия симпозиума биофизиков. Кто подвел к нему этого пронырливого молодого человека, похожего и внешне, и манерами на фарцовщика 80-х, уже и не вспомнишь. Может, и сам подошел. Разговорились под рюмку. Сказал, что коммерсант от науки, то есть обеспечивает институты приборами, химикатами и прочими необходимыми для работ предметами. Пока закон о реформировании Академии наук не действует, в таких людях как он острая необходимость. Родился в Польше, теперь перебрался в Россию, в которой, как он сказал, в мутной воде удобно ловить крупную рыбу.

Эти слова не понравились Касаткину, как и глаза дельца. Они были мутно-голубые и словно вколочены внутрь глазниц деревянным молотком. Оттого казались плоскими, стеклянными, с полуусмешкой и наглым вызовом. Но Арнольд Маркович сразу понял, что поляк может ему быть очень полезен. Самому черный коралл не достать и дело не в деньгах, его

запрещено вывозить с Гавайских островов. Можно было бы попытаться выделить теломеразу, обеспечивающую целостность ДНК из чилийской араукарии или шведской сосны, они тоже живут тысячелетия, но морские обитатели древнее наземных, а потому обладают более надежным механизмом самовосстановления.

А самое главное, уже потрачено столько времени на изучение хромосом обычных кораллов, что менять направление движения поздно.

Профессор поднялся из кресла, взглянул на настенные часы. Без пятнадцати двенадцать. Вчера Янек позвонил и сказал, что будет в полдень. Велел готовить деньги. А что их готовить, они уже собраны полгода назад, все 12 тысяч долларов. Во столько оценил поляк заказ на черный коралл. Пришлось давать дополнительные уроки, писать статейки в научные издания.

Допил рюмочку, открыл дверь в свою домашнюю лабораторию. Десятки колб, пробирок, банок с химикатами, измерительные приборы, электронные весы. Такой лаборатории сегодня позавидовали бы многие российские НИИ. Кое-что, конечно, пришлось позаимствовать из собственного института, но ведь это ради науки, ради блага всего человечества. Проводить эксперимент по антиэйджлечению, то есть по омоложению организма, на работе не имело смысла. Как всегда новаторскую идею затрут, заматают, а если что и получится, лавры пожнет руководство. Ну уж дудки! Весь мир должен узнать имя профессора Касаткина и поставить ему золотой памятник на...

Где ему должны поставить памятник, Арнольд Маркович додумать не успел. Запищал домофон. Янек.

– Спите, что ли? – раздался наглый голос поляка, хотя профессор ответил почти сразу.

На мгновение Касаткин растерялся, он всегда робел перед хамством и наглостью, но ничего не мог с собой поделать.

– Жду вас с нетерпением, – нажал профессор кнопку домофона, хотя очень хотелось сказать какую-нибудь гадость этому спекулянту. Несколько минут, пока тот поднимался на десятый этаж, он думал чтобы такое едкое мог ответить, но так ничего и не придумал.

Янек Куцка вошел в квартиру вальяжно, по-деловому осмотрелся. Был он в белом хлопковом костюме, красном галстуке, под мышкой держал черный скрипичный футляр. От этого цветового диссонанса, у профессора зарябило в глазах. Арнольд Маркович указал на кресло возле журнального столика, предложил виски.

– Вот, значит, как живут русские ученые, – хмыкнул Янек, опускаясь в широкое зеленое кресло, – по утрам виски кушают. И квартира у вас, профессор, шикарная. От Академии наук получали?

Да, просторную трехкомнатную квартиру Касаткин получил в советские годы от РАН. Благодаря жене Зое Петровне, которая была подружкой помощницы главного ученого секретаря. Супруги давно нет, а жилье в престижном столичном районе, осталось. В 90-е подмывало продать, поселиться в однушке, а на вырученные деньги спокойно жить, хорошо что устоял.

Однако Арнольду Марковичу сейчас было не до воспоминаний, его волновало то, что находилось в футляре. Но Янек не спешил его открывать. Взял бутылку, налил себе сам, понюхал.

– Настоящий.

– Вы принесли то, что я заказывал? – не утерпел ученый.

Глаза поляка провалились глубже, чем обычно.

– Разумеется. Фирма веников не вяжет. Реальный *Leiopathes annosa* с Гавайских островов. Пришлось подключать дипломатов. Так что 15.

– Не понял, – подался вперед профессор.

– Что же тут непонятного? Пятнадцать тысяч баксов.

– Позвольте, но мы же договаривались на двенадцать. У меня столько нет.

– Инфляция, обвалы фондовых рынков, разве не слышали? Кризис капиталов. Впрочем, готов сделать скидку до заранее обговоренной суммы, но с одним условием. Вы расскажите мне для чего вам понадобился коралл.

– Ну-у, молодой человек, – откинулся в кресле Касаткин, промокнув выступивший пот на лбу салфеткой. – Зачем вам?

Куцка осушил рюмку, поморщился. На лице появилась неприятная улыбка.

– Любопытство – двигатель прогресса, стимулятор жизни.

Посвящать в детали эксперимента кого-либо, а тем более случайного коммерсанта, шатающегося по разным институтам, в планы Арнольда Марковича не входило. Разнесет, расстрезвонит по всему свету. С другой стороны, поляк занимается контрабандой и не в его интересах афишировать цель «гавайской» сделки.

Тем не менее, при всей скромности и осторожности, Касаткин был крайне амбициозным человеком. Пусть все узнают и обзавидуются. Сам же мечтал о золотом памятнике.

– Да не тряситесь так, – налил себе еще Янек. – Я пошутил, не хотите, не рассказывайте, деньги против товара и разойдемся. 12 штук.

– Нет, от чего же. Если желаете, пожалуйста. Мне скрывать нечего. Вкратце. Из черных кораллов я собираюсь сделать генетическую вакцину, которая при введении в вену, проникнет внутрь ядра каждой клетки и остановит механизм старения. Более того, надеюсь, что это запустит процессы омоложения. Старение-убийца номер один. Болезни, сводящие нас в могилу, начинаются именно от старения организма, его изношенности. В мире давно работают над этим, метод называется антиэдж – лечение. Но насколько знаю, никому пока не удавалось достичь значимых результатов.

– Вы, значит, решили сделать прорыв в этой области. Поставить опыт на себе. А не боитесь осечки? Вдруг превратитесь в какого-нибудь монстра или вовсе помрете.

Профессор пожал плечами:

– Возможно. Наука, как космос – чем дальше в него погружаешься, тем меньше знаешь. Но это не значит, что нужно застыть на месте. Смысл любой материи – в движении.

– Браво, профессор, вам бы выступать с трибуны. То есть, гарантий никаких.

– Нет.

– Тогда я согласен.

– На что?

– Как на что?! Вместе с вами опробовать генетическую вакцину.

– Позвольте, но это же невозможно. Одно дело, я рискую собой, другое... Нет, нет, даже и речи быть не может.

– Ну тогда платите 15 тысяч и забирайте ваш дурацкий коралл. Нет? Я пошел.

Поляк встал, застегнул на пиджаке пуговицы, взял футляр подмышку, направился к двери.

Так ведь и впрямь уйдет, похолодел Арнольд Маркович. Черт с ним, если хочет, пусть тоже становится подопытным кроликом. Только прежде расписку напишет.

– Я согласен! – крикнул ученый, когда Янек уже вышел на лестничную площадку.

Тот обернулся, подмигнул, неторопливо вернулся. Заботливо наполнил рюмку Касаткина. Не забыл и себя.

Ученый пригубил виски, потом залпом выпил сразу две порции.

– Ладно я старый и больной человек, скоро 70, но вы молодой и здоровый, зачем вам эксперименты над собственным организмом?

– Хочу законсервироваться и на вечно остаться двадцатисемилетним. Замечательный возраст, разве забыли?

– Да-а, – протянул Касаткин, вспомнив те дни, когда ему было не многим более двадцати. Тогда думал, что после третьего десятка и жизнь заканчивается. Совсем недавно это было,

совсем недавно... Прав Эйнштейн, время относительно. – Что ж, выбор за вами, а у меня его нет. Коль настаиваете, пожалуйста, будете получать вакцину наравне со мной. Тайно, разумеется, я не хочу в тюрьму.

– Подумаешь! – развеселился парень. – Ну посидите лет пятнадцать, делов-то для нестарящего человека. А то и помолодеете в клетке на глазах у изумленных вертухаев.

– Смешно. Показывайте коралл.

Янек вытер руки о брюки, размял пальцы, будто собирался показать фокус, осторожно расстегнул футляр. Внутри под розовой бумагой проглядывали очертания неровного, сучковатого предмета. Разворачивал медленно, испытывая нервную систему профессора. Наконец свершилось, на свет божий он вынул коралловую ветку.

Да, это была золотисто-коричневая часть *Leiorpathes annosa*, напоминавшая сеть, вырванных их тела артерий и сосудов. Никаких сомнений.

– Отчего же коралл называется черным, если он рыжий? – спросил Куцка.

Но профессор пропустил вопрос мимо ушей. Он разглядывал заказ, словно магический предмет, любовно и лелейно, со всех сторон, сверху и снизу. Понюхал, потер пальцем и даже попробовал на зуб.

– Довольны?

– Что? Ах, да, – очнулся Касаткин. – Он самый, никаких сомнений.

– Тогда гоните деньги. Не надейтесь, что отдам даром, хоть и буду участвовать в вашей аванюре. Когда будет готова вакцина?

– Через месяц-полтора.

– Замечательно, съезжу в Польшу, напишу завещание. Так почему кораллы называются черными, хотя напоминают переваренных креветок?

– А-а, – почувствовал себя на лекции в родном институте Арнольд Маркович, – почти все коралловые полипы *Antipatharia*, то есть низшие животные, имеют яркую окраску, у них черный только внутренний скелет, состоящий из эластичного белка антилатина.

– Стоп! Подробностей не надо, – поднял рюмку Янек, – а то я разочаруюсь в черных кораллах, а мне с ними еще так долго жить. Вот эта пакость должна внедриться в мои клетки?

– В теломеры, – снисходительно улыбнулся профессор, – в концы хромосом, отвечающих за целостность наших ДНК.

Когда Янек Куцка наконец ушел, тщательно пересчитав доллары, Арнольд Маркович, не выпуская ветвь черного коралла из рук, отправился в свою лабораторию...

Янек проснулся, когда солнечный луч, отраженный от купола Краковского кафедрального собора, пробившись сквозь щель в плотной гардине, попал в правый глаз. Он выжигал его словно лазером. Куцка оторвался от подушки, схватился за голову. Сердце бешено стучало, мутило. Видимо, вчера явно перебрал орехового ликера. Но куда было деваться, желание Натуси в ее день ангела – закон, она просто трясется от миндального напитка.

Из-под одеяла высунулась стройная ножка златовласой девушки, чему-то улыбающейся во сне. Теперь сердце сжалось от умиления. Какое счастье, что встретил этого ангела. Должно же было когда-нибудь повести хорошему человеку и вот наконец случилось. Он увидел ее случайно, в парке, в тот день когда в последний раз вернулся из Москвы. Ната сидела на лавочке у фонтана, просматривала Интернет. Ян просто сел рядом и сказал «привет». Она улыбнулась и тоже сказала «привет». Это было полтора месяца назад, в июне и с тех пор они не расставались. Ну почти. В последнее время у Натуси появились какие-то странные дела, пропадает на несколько дней, потом объявляется с извинительной улыбкой. Да это ладно, главное, что она его любит безмерно и говорит об этом постоянно. А что еще мужчине нужно? Утверждают, что мужики любят глазами, а не ушами. Ничего подобного, за доброе слово любая

особь мужского пола отдаст все, что у него есть и даже то, чего нет. Приятная музыка слова – самое важное в жизни. Конечно, и глаза никто не отменял, а уж если в сочетании...

А в пятницу, неожиданно для себя, зашел в ювелирный магазин и попросил показать помолвочные кольца. Для Наты приглядел золотое колечко с 55 бриллиантами в 0,7 каратт. Себе выбрал поскромнее, серебряное. Уже полез за деньгами, но что-то остановило, руки и ноги сделались будто каменными. На мгновение подумал, что его парализовало, так и вышел из ювелирной лавки на полусогнутых. Но ничего, отошел. В магазине напротив, купил Нате ко дню ангела недорогую заколку для ее золотых, как у королевы Ядвиги, волос.

Еще недавно Ян думал, что никогда не женится. Сколько было в его жизни хороших девушек, но ни с одной не хотелось связывать себя супружескими узами. Зачем? Пока есть силы и здоровье, нужно сколотить капитал. Бизнес идет замечательно, в мутной московской водичке вкусной рыбы еще тьма, ловить не переловить. И что за ужасная страна? Всё собираются сделать, чтобы всем жилось хорошо, а получается раздолье только для пираний. И, главное, есть ведь у них мозги, но повернуты не в ту сторону. Взять хотя бы этого биофизика Касаткина. Чудак и больше ничего. Вакцина из черных кораллов, которая выключит механизм старения. Ха-ха. Глупость несусветная! Нет бы занялся реальной прикладной наукой. А с кораллами неплохо получилось.

Купил их Куцка у одного барыги на московском рынке Садовод. Тот оказался знатоком морской флоры -фауны и сразу предложил вместо Гавайского черного полипа, малайзийский. Уверил, что ни один специалист не отличит, а «вывозить из национального парка США контрабандных животных, ни один дурак не возьмется». Словом, за веточку потребовал тысячу долларов. Потому и шел Янек к профессору с волнением, вдруг заметит подлог, тогда пропали деньги, а он давно уже научился ценить каждый злотый. Как каплю своей крови. Но профессор-простака ничего не заподозрил, обрадовался, будто ребенок шоколадке. Мысль поучаствовать в авантюрном эксперименте пришла спонтанно, когда понял, что из Касаткина можно вить веревки. Так, ради смеха. Мол, скину цену, а ты вколи мне свою вакцину вечной молодости. Ну и что? Ну вколол, прошло полтора месяца, а толку никакого. Нет, москали точно ни на что не годные существа. Мечтатели и романтики, им бы только светлое будущее строить.

Повернулся к Нате. Она дышала ровно и тихо. От нее пахло свежими розами, ну и, конечно, миндалем. Выпила-то она накануне тоже немало. Милая, подумал, Янек, на днях на неделю смотаюсь в Россию, а вернусь и объявим родителям о нашей помолвке. А, может, ну ее к черту эту помолвку? поженимся сразу и все. Мы же современные люди.

Однако, взглянув на кафедральный собор, осекся. Нет, пусть все будет по старым, добрым правилам. Мы же не москали. Кстати, этот русский профессор звонил раз пять.

Если точнее, на телефоне оставались не отвеченными семь вызовов Касаткина. Пять звонков и два SMS.

Тогда, в московской квартире, после введения инъекции, договорились, что будут созваниваться раз в две недели и сообщать друг другу о том, как себя чувствуют, что ощущают, нет ли каких-то физических или психологических изменений. Вообще, Янек и не собирался идти колотиться после того, как положил в карман 12 тысяч долларов. А потом прикинул- профессору может снова понадобится черный коралл или еще что-то. Зачем же разрывать связи? Ну уколел, подумаешь! А потому пришел на процедуру в точно назначенное время.

В домашней лаборатории Арнольда Марковича все кипело и булькало, в пробирках и колбах дымились разноцветные химические вещества, на столе были разбросаны куски коралла, а на тумбочке в медицинском корытце лежали два больших, наполненных синей жидкостью шприца. Профессор был торжественен и собран, как перед полетом на Марс.

– Ну-с, молодой человек, вы готовы принять участие в научном опыте мировой значимости?

– Зачем бы я тогда пришел? – хмыкнул Куцка. Ему было не до профессора, срывалась одна денежная сделка и он надеялся поскорее здесь закончить и отправится по делам. Но биофизик не торопился. Он долго стучал по клавишам ноутбука, потом потребовал написать от руки заявление, что Ян Куцка, гражданин республики Польша, номер документа такой-то, добровольно соглашается принять участие в эксперименте... претензий, в случае нежелательных физических или психологических последствий не имеет.

Янек поставил закорючку, а в душе поморщился – неужели этот чудаки думает, что я все-раз воспринимаю его глупую затею? Не удержался, спросил:

– Профессор, вам понадобятся еще кораллы? Скоро гавайское окно может закрыться, Америка ужесточает таможенный контроль.

– Вы что же, через таможню *Leiopathes annosa* из Национального морского памятника Папаханаумоуакеа везли?

Сложное слово ученый выговорил без запинки. От него Куцку почему-то замутило.

– Давайте приступим, – не ответил на вопрос поляк.

Процедура заняла всего пару минут. Обычный укол в вену, как в больнице. И все. Ян почти тут же отклонялся, пообещав непременно быть на связи, ну а сам решил на время забыть о профессоре и, разумеется, не отвечать на его звонки.

Ян дотянулся до тумбочки, взял телефон. В последний раз SMS от Касаткина пришло вчера утром. «Как дела, почему не отвечаете?», – интересовался ученый.

Ладно, решил молодой человек, буду в Москве, загляну. Деньги, надеюсь, на очередную партию кораллов биофизик приготовил? А сейчас тратить время на бессмысленные разговоры или переписку нет желания. Желание одно – обнять любимую Натусю.

Повернувшись на левый бок, Янек осторожно опустил руку на теплое плечо девушки. И почти в ту же секунду почувствовал, что ладонь его нагревается, будто ее постепенно опускают в горячую воду. Но тепло это было не обжигающим, приятным. Вскоре оно поднялось до локтя, потом до плеча и наконец овладело всем телом, которое словно закаменело. Внутри загудело, напряглось. Все мысли куда-то улетели, испарились, а в голове тихо, но отчетливо раздался голос Натуси: «Хочу пить. Бисквиты с красной розочкой. Таблетка аспирина. Заехать к маме. Горячая ванна. Свежий воздух».

Янек сглотнул, попытался встряхнуть головой, но тщетно, он не смог ею и пошевелить, будто вся шея была в гипсе. Я, кажется, слышу ее мысли, ее желания. Это что, похмельные галлюцинации?

И опять голос Наты: «Не люблю Яна, надоел. Люблю Марека Домбровского. Шикарное тело, синие глаза. Лучший отец для моих детей. Пить. Родниковая вода. Горный воздух. Хочу в Альпы с Мареком».

Тело пробивало электричеством. Информация втекала через кончики пальцев химической лавиной и он понимал её смысл. Мы – это желания, вспомнил он фразу одного ученого, с которым довелось общаться по работе, а желания – это химические процессы. Черт возьми, кто такой Марека Домбровский?! Уж не тот ли это балерун, которым она восторгалась во время похода на «Эсмеральду»? Пришлось пойти, хотя на дух не выносил балет. А она все показывала на того Гренгуара-педика и заламывала руки – ах, какой танцор! ах какой талант!

Тело вдруг оттаяло, дрожь пропала, его ногти судорожно вцепились в плечо Натуси. Она сначала застонала, потом ойкнула, села на кровати, выкатив испуганные глаза.

– Что? Что такое?

– Кто такой Марека Домбровский? – без церемоний, зло спросил Куцка.

– Не понимаю, – захлопала Ната глазами.

– У него шикарное тело и синие глаза, ты собралась с ним в Альпы.

Девушка откинула со лба роскошные волосы, прогнулась назад, потянулась.

– Не понимаю, откуда ты о нем узнал, но раз так, что ж... Марека мой друг.

– Ты меня не любишь!

– Прекрати истерику, за стенкой слышно. Да, да! Я встречалась с тобой, потому что думала ты серьезный бизнесмен, а ты обычный мелкий спекулянт, только и умеешь что русских облапошивать. Ничего, скоро поймают тебя их КГБ и повесит на первом столбе. Ты мне противен и никогда не нравился!

– Ах, вот оно как.

– Все, убирайся из моей квартиры, мне некогда.

– К маме торопишься.

– К Марку! – с вызовом крикнула Натуся.

Руки вновь сделались твердыми, но не окаменели. Обида серной кислотой жгла и внутренности, и душу. Слезы готовы были брызнуть, как из пожарного крана. Схватил с тумбочки настольную лампу и со всей силы опустил матовый стеклянный плафон на голову девушки. Плафон разлетелся на сотни осколков, один из них, самый крупный, это Ян отчетливо видел, вонзился в щеку и глаз бывшей подруге. Фонтаном брызнула кровь, а Натуся, даже не вскрикнув, повалилась на подушки. Рука упала на пол, по которой тут же побежал красный ручеек.

Неожиданно чувства и эмоции пропали, сделалось спокойно и ровно. Быстро оделся, стараясь не запачкаться в крови, взглянул на лицо Наты. Жива? Кто же ее знает, но трогать тело нельзя. Тело? То есть, ты ее убил? Возможно и убил, что же с ней надо было целоваться, когда она тебя предала. Сволочь. Медуза гавайская.

На лифте спускаться не стал, пошел по черной лестнице, которая выводила во двор у пекарни. Возле нее разгружался автомобиль с мукой. Пролетел мимо и сразу на боковую улицу, что вела к Висле.

На набережной на ходу закурил. Мыслей в голове не было никаких. У моста нос к носу столкнулся со старым приятелем Войцехом Мазуром. Он работал в баре на Рыночной площади, несколько раз заходили к нему вместе с Натусей. Войцех смотрел на нее сально и очень хотелось дать ему в морду.

– Как я рад тебя видеть! – полез обниматься Мазур. Но Янек отстранился и лишь протянул ему руку. Тот с готовностью пожал. И снова, сразу и неожиданно тело окаменело, а через подушечки пальцев потекла химическая лава. Куцка отчетливо слышал голос Мазура, хотя тот не открывал рта. «Перейти на другую сторону. Убить бы придурка. Переспать с Натусей».

– Не получится, – вырвал руку из потной ладони Янек.

– Извини, не понял. Что не получится?

– Ничего. Если и переспать с Натусей, то только на том свете.

Войцех напрягся, пристально взглянул в глаза Яну, потом натужно рассмеялся, погрозил пальцем:

– А-а, сразу видно, много общаешься с русскими, с утра уже выпил водки.

– По утрам они водку не пьют и вообще, вполне приличные люди, в отличие от тебя, скотина.

– Я как-то не совсем уловил...

– Сейчас уловишь.

Куцка сжал в кармане связку ключей, один из них, штыревой, просунул между средними пальцами и без размаха, резко ударил в правый глаз Мазура.

Тот схватился за лицо, закричал. Из-под пальцев потекла черная кровь. Не промахнулся, с удовлетворением подумал Янек. Будешь знать как на чужих баб облизываться. Стоял и наслаждался муками бармена. Крик Войцека перешел в булькающий рык, свободной рукой он размахивал в воздухе, будто пытался нащупать выход из темной пещеры. Уперся коленями в невысокий каменный парапет набережной и вместо того, чтобы сделать шаг назад, подался вперед и перевалился через ограждение. В реку упал, словно мешок с картошкой.

Ну вот и славно, сказал себе Янек. Осмотрелся по сторонам. В этот ранний час на набережной никого не было, а машины проносились мимо, как всегда ни на что не обращая внимания.

Зашел в ближайшую закусочную, заказал крепкий кофе. Сделал пару глотков и вдруг спокойствие и хладнокровие испарились. Его охватил ужас. Боже, что же я наделал...

Виза в Россию была открыта, повезло сразу купить билет на поезд. Туристов и коммерсантов, желающих ехать в Москву, в связи с евросанкциями, в последнее время заметно поубавилось.

Биофизик Касаткин, выслушав рассказ Янека Куцки, напряженно барабанил пальцами по журнальному столику. Поляк появился к нему ночью, весь мокрый от дождя. Да, это был не прежний Янек с надменным и наглым взглядом. Теперь он напоминал ошипанного куренка с синим клювом и мертвыми глазами. Не успел ученый открыть дверь, по привычке не спросив «кто там», Куцка ввалился в квартиру, прислонился затылком к стене.

– Профессор, я не знаю что со мной, – выдавил он тяжело. – Но я, кажется, с легкостью убил двух человек. Нет, не просто так, я ясно слышал их подлые мысли. И после этого я каменел душой и телом. Это все ваша вакцина, вы во всем виноваты. Я хотел бы...

– Примите сначала горячий душ, – указал ученый на дверь в ванную комнату, – чистое полотенце там есть, халат принесу.

Через полчаса вымытый, побритый, гладко причесанный, но не менее подавленный Янек сидел в гостиной напротив Арнольда Марковича. Его колотило, он кутался в махровый китайский халат.

Касаткин налил ему четверть стакана водки.

– Давайте еще раз, подробно и по порядку. Что и каким образом вы слышали, что при этом ощущали. И кого, черт возьми, убили.

– Вы не позвоните в полицию?

– Всегда успею.

Янек поведал о том, как проснулся утром, положил руку на плечо своей девушки.

– Я слышал ее желания: бросить меня, уехать с Домбровским в Альпы. Но главное, она потом подтвердила, что именно об этом и думала!

– Может, вы когда-нибудь встречали Домбровского, кто-то говорил о нем?

– Нет. Не это важно. Она подумала, что не любит меня и потом в этом сама призналась.

– Ну, знаете, молодой человек, женщины любят наставлять нам рога, а когда их прижимают к стенке, вместо того, чтобы защищаться, идут в атаку. Только с виду они хрупкие существа, внутри – хищные, безжалостные самки.

– Хорошо. А Войцех Мазура? «Перейти на другую сторону. Убить бы придурка. Переспать с Натусей» – его мысли.

– Это тоже не доказательство побочного воздействия моей генетической вакцины. Вы были так потрясены изменой Натуси, что увидели врага-соперника в первом встречном, коим оказался бармен.

– А химическое вещество, которое я ощущал подушечками пальцев? Оно вливалось в меня расплавленной массой. Я читал его, понимал... Помните, кто-то сказал – мы – это наши желания. А желания, в том числе и любовь – набор химических реакций.

– Что ж, – улыбнулся профессор, – общение с научным миром не прошло для вас даром. Дофамин, окситоцин, фенилэтиламин, эндорфин. Эти нейромедиаторы и гормоны выделяются головным мозгом, надпочечниками и железами внутренней секреции в зависимости от состояния организма и ситуаций. Да, они определяют наши мысли и поведение, но до конца еще не изучены. Поэтому списывать все на химию нельзя.

– Вы хотите сказать, что я просто сошел с ума? Просто так, ни с того ни с сего.

– Просто так ничего не происходит, молодой человек.

– Вот именно!

Спиртное оказало свое магическое действие. Янек уже не выглядел подавленным. Щеки его покраснелись, а глаза горели, будто в них включили искусственное освещение.

– Вот именно, профессор, – отхлебнул прямо из горлышка Куцка. – Я стал другим человеком и это все после вашего укола.

– Не валите с больной головы на здоровую и не пейте из бутылки.

Ученый встал, подошел к окну, отодвинул темно-зеленую штору. Поток огней на дороге был таким плотным и стремительным, словно днем. Взглянул на настенные часы. Пять утра.

– Я вас предупреждал о возможных нежелательных эффектах эксперимента. Вы написали мне расписку.

– Что вы хотите этим сказать?

– Я бы вам не поверил, если бы тоже не стал замечать за собой некоторые странные особенности.

– Да? – обрадовался Янек. – Очень любопытно.

– Видите ли... Приехал недавно к нам в институт коллега из Новосибирского академгородка, привез важные бумаги. Кейс купил накануне и забыл код замка. Крутил колесики и так и сяк, ломать жалко, а бумаги нужны. Не знаю что меня подтолкнуло. Взял я чемоданчик, положил руки на замки. И вот так же как вы, пальцами ощутил некий прилив теплых волн. Я словно просочился в замки, увидел изнутри их конструкцию, а, главное, понял необходимую комбинацию цифр и букв – 671КИ. Все были в шоке, когда кейс открылся, в первую очередь я. Ученый секретарь сказал, что мне нужно срочно становиться медвежатником, а не протирать штаны в лаборатории.

– Неплохо, – нетрезво хмыкнул Янек. – Может, случайность?

– В тот же день я возвращался поздно вечером домой. Возле лифта почувствовал запах газа, который явно шел из квартиры на первом этаже. Позвал консьержа. Стали звонить, никто не открывает. Он побежал вызывать МЧС и за слесарями, а я подошел к двери, прикоснулся к замку. Через пару секунд я уже знал что нужно делать. Взял скрепку и, удивляясь самому себе, надавил внутри несколько рычажков и пружинок. Когда прибежали рабочие, дверь была открыта, они быстро перекрыли газ, выходящий из сломавшейся плиты. Удалось избежать взрыва, хозяев дома не было.

– Вам уже вручили медаль?

– Замок был несложным, – не ответил на глупость профессор, – чуть ли ни советским. Но сам факт! Вы понимаете о чем я говорю?

– Еще бы! – взял бутерброд с сыром Куцка. У него наконец-то проснулся аппетит.

– Нет, похоже, вы еще не вникли в суть вещей, ложитесь спать, продолжим завтра, на трезвую голову.

Очи Касаткина сверкали так, будто в них залили чистого серебра и отполировали алмазной пылью. Видимо так горят глаза у черта, когда он получает очередную партию грешников.

Не особо набожный Куцка даже перекрестился под столом двумя пальцами.

Вскоре его сморило. Перед тем как уложить поляка, профессор взял у него для генетического анализа пару капель крови. Янек быстро захрапел на кухонной тахте, а Арнольд Маркович отправился в лабораторию. Для исследования ДНК хромосом здесь было все что необходимо: мощный электронный микроскоп, миницентрифуга, термостат, хлороформ, фенол и прочие реактивы. В небольшом контейнере имелся и жидкий азот, заметно облегчающий процесс разрушения клетки и удаления ненужных клеточных фрагментов, в частности, мембран. Процесс экстрагирования и осаждения ДНК этанолом занял довольно длительное время. Только в полдень Касаткин смог разглядеть в микроскоп то что было нужно. Петлеобразные концы хромосом, то есть теломеры Куцки не только разрослись, но и соединились с соседними

хромосомами. А цепочки ДНК имели явно вставные участки из чужеродных генов. Некие боковые наросты. Процесс скрещивания нуклеотидов Янека с ДНК черных кораллов был явно на лицо. Так же как у самого Касаткина. Еще месяц назад он выявил у себя аналогичные замещения, только участки встроившихся генов имели иную последовательность и структуру. Понимать бы еще что это означает и к чему в конце концов приведет.

Некоторое время назад, особенно после того как Касаткин обнаружил у себя способность видеть изнутри замки да еще и вскрывать их, мысли его все чаще приобретали меркантильный характер. Неплохо бы воспользоваться этими возможностями. Почему бы и нет? Делай что умеешь и будь что будет, перефразировал он рыцарский девиз времен сэра Томаса Мэлори. А тут еще поляк со своими талантами.

Кроме изменений в хромосомах, у Куцки были заметно увеличены митохондрии клеток.

Ян проспал до самого вечера и после душа Арнольд Маркович усадил его за хорошо накрытый стол. Куцка ел не то что с аппетитом, а с жадностью. Куриные кости летели ему под ноги и в сторону. Ученый не одергивал его, только улыбался и подкладывал еду. Когда поляк наконец насытился и запил все двумя рюмками водки, биофизик услужливо предложил ему прикуренную сигарету.

– Теперь к делу, молодой человек. Я проверил ваши ДНК.

– И что, процесс старения замедлился? Не знаю что там с ДНК, но уверен, что мои беды от вашей генетической вакцины. Я на вас в суд подам, – сказал он весело и рассмеялся своей шутке.

– Сначала отсидите лет 100 за убийство 2 человек. Ссылка на мою вакцины не прокатит.

Эта фраза профессора произвела на поляка такой же эффект, как ковш холодной воды. Он сразу сник, опустил плечи.

– Не бойтесь, – подмигнул ученый, – я вас не выдам. Не в моих интересах. Эксперимент, считаю, проходит успешно. Не знаю как насчет остановки часов старения, но те свойства, которые мы с вами приобрели, очень могут быть полезны и для науки и для нас с вами. И эти свойства надо развивать.

– Что вы имеете в виду?

– Вы научились понимать желания человека, прикоснувшись к нему. Но, думаю, если вы сами пошлете запрос, то ответ будет более многообразным, нежели просто его желания, вы сможете прочесть мысли человека. Не спорьте. Давайте попробуем.

Профессор взял лист бумаги, отвернувшись, написал на нем несколько цифр и слов, сложил вчетверо, положил в карман.

– Дотроньтесь до меня, спросите мысленно что я написал.

Янек неуверенно протянул руку, сжал профессорское запястье. И почти сразу почувствовал химические волны, пощипывающие кончики пальцев. Ну, что ты там накарябал, чудак? И сразу внутри раздался ровный голос Касаткина: 2008 – адронный коллайдер.

– В точку! – обрадовался ученый. – В 2008 году в ЦЕРНе был запущен ускоритель протонов – адронный коллайдер, это я и записал на бумажке. Я же говорил, вы теперь гений.

– Как вы можете это объяснить? Вакцина ведь была предназначена для омоложения.

– Хм. Я уже вам рассказывал, черные кораллы – представители полипов, которые по уровню развития находятся между животными и растениями. Думаю, и вы, и я переняли их первобытные свойства и способности. Микроскопические полипы в известковых панцирях могут анализировать объекты, которые к ним прикасаются или находятся рядом. Анализировать их по выделяемым химическим веществам. Видимо, защитная реакция с тех времен, когда они еще не имели известковой брони. Более того, способны сами посылать запросы в виде магнитных полей и получать ответы – опасен – не опасен субъект, кто такой, что хочет. Здесь уже используется электричество, которое вырабатывается митохондриями клеток. У вас они, как и у кораллов, увеличены.

- Что же, по-вашему, я превращаюсь в полип, скоро известковой коростой покроюсь?
- Не переживайте, если покроемся, то вместе.
- Меня это не успокаивает. И вообще, вы не преувеличиваете возможности примитивных организмов?
- Примитивных! Скажите тоже. За этими примитивами даже не миллионы, а миллиарды лет эволюции.
- Почему же они не стали разумными?
- А для чего им? Они дали дорогу своим сородичам, а сами остались самими собой, совершенствуя свои, как вы говорите, примитивные свойства. Их это вполне устраивает.
- Где вы раньше были, такой умный?
- А что вас не устраивает?
- Как что?! Я, кажется, убил двух человек, я стал преступником!
- Не надо все сваливать на *Leiopathes annosa*, сами, как вижу, хороши. Убили или нет, еще не известно. В любом случае, вам светит тюрьма за членовредительство.
- Я не хочу за решетку!
- Поэтому вам нужно сделать пластическую операцию и купить новые документы. А на это нужны большие деньги.
- И где их взять?! Я не могу даже воспользоваться своими кредитными карточками, меня сразу вычислят. Наверняка уже Интерпол разыскивает.
- Да, плохи ваши дела, потому и предлагаю заработать, по крупному. Использовать наши с вами приобретенные таланты.
- Хотите создать преступный синдикат?
- Что-то типа того, – даже не поморщился Арнольд Маркович. Сами подумайте – мир открывает для нас широчайшие горизонты!
- Странно слышать это от законопослушного, тихого ученого-биофизика.
- Откуда вы знаете, что тихого? В каждом человеке сидит дьявол.
- Что же вы предлагаете, обносить квартиры? Я буду выщупывать – есть ли внутри хозяйка, куда пошли, а вы взламывать замки?
- Ха, точно! Почему бы и нет? Можно еще вскрывать багажные ячейки на вокзалах и в аэропортах. Ха-ха! Вы плохо обо мне думаете, молодой человек. Нужно внедряться в банковскую сферу! Для начала займемся банкоматами.

Гениальная афера

Все пошло, как по маслу. Сначала выбрали самый простой вариант. Ян отрастил усы, бородку, отпустил бакенбарды, надел кругленькие очки с простыми стеклами и стал похож на ботаника или географа. Его было не узнать. Полиция, в силу его европейской внешности, документов у него на улице не спрашивала, о пластической операции забыли.

Как-то, в народной пивной поляк свел знакомство с тремя молодыми людьми: Эдиком, Петей и Ромой. Руки в цветных тату, манеры прибалтненные, шмыгают носами, креветочные руки вытирают о скатерть, но разговоры ведут исключительно на нормальном русском языке, не на фене, что удивило Куцку. Возможно, отсидели небольшие сроки за что-то незначительное, подумал Ян.

Куцка подсел, заказал всем темного пива, сказал, что есть хорошо оплачиваемая, но рискованная работа. Троица уставилась на него мутными, недоверчивыми глазами, но ничего не ответила, что означало – мы внимательно слушаем, продолжай.

Поляк не стал растекаться по древу, лаконично изложил что нужно: ночью, в отдаленном спальном районе, подцепить к одиноко стоящему банкомату трос, с помощью автомобиля выдрать из земли, погрузить и доставить в указанное место.

– Вскрыть банкомат, все равно что сейф, – хмыкнул Рома.

– Внизу банкомата и находится настоящий сейф, – поддержал приятеля Эдик. – Сейчас начали ставить устройство, которое при вскрытии ящика выжигает внутри деньги.

Петя добавил:

– Кроме того, при вскрытии банкомат начинает подавать радиосигналы, на которые сразу слетаются менты.

Троица явно уже интересовалась этой темой. Янек хмыкнул, заказал всем ещё пива и вяленой корюшки.

– Есть человек, – который решит эти проблемы, – сказал он, отхлебывая из высокой кружки нефilterованное пшеничное пиво. – Повторяю, ваша задача – доставить объект куда требуется.

– Сколько? – спросил Эдик.

– 20% от содержимого.

– Не годится, – оторвал голову рыбе Петя. – Мы работаем на равных.

– И много наработали?

– Не ваше дело, – невежливо сказал Рома. – Тысячу баксов сразу: на машину, прикид и инструмент.

– Прикид?

– Ну перчатки, маски, сапоги.

– Сапоги-то зачем?

– Чтобы током не убило.

– А-а. Сорок на шестьдесят и пятьсот евро на аренду фургона. Рубль падает, за глаза хватит.

Троица вышла покурить, а когда вернулась, устами Ромы сказала: «Согласны, но деньги прямо сейчас».

Ян отсчитал 500 евро, передал Роме.

– Вынужден вам поверить. Надеюсь, не смоеетесь с этой жалкой суммой. Будете хорошо себя вести, за пару дней заработаете кругленькую сумму. На Гавайи хватит. Бомбить станем в одном районе. Считается, что преступники держатся подальше от первого засвеченного места. Мы опровергнем это утверждение.

На слово «преступники» Рома, Эдик и Петя начали дружно сморкаться в салфетки. Явно какие-то бывшие студенты, вляпавшиеся в неприятную историю, отсидевшие год – два и теперь не знающие куда себя приложить.

Телефонами не обменивались, договорились о встрече через два дня у метро Ясенево. В 10 часов вечера.

Коричневый, неприметный фургон Фольксваген стоял напротив входа в подземку. Янек сел рядом с водителем. За рулем был Рома. Он нервничал, стучал пальцами по баранке, прикусывал губу, постоянно оборачивался. Остальные неподвижно сидели сзади.

Проехались по району. Куцка указал на банкомат N-ского банка, стоящий между аптекой и винным супермаркетом.

– Рядом крупный мебельный центр, граждане активно пользуются аппаратом. За перекрестком еще один банкомат. Деньги инкассаторы не забирали, я понаблюдал.

– Предлагаете брать сразу два?

– Конечно. Чего мелочиться? Если ментам сообщат, они сюда подскочат. Никто и не предположит, что отчаянные ребята забирают прямо сейчас еще один сейф неподалеку. Сколько нужно времени на один аппарат?

– Кто ж его знает, еще не пробовали. Знаем только, что другие пацанёнки так делали.

– Ну попробуйте, пацанята. Значит так, привезете сейфы в Алтуфьево, на N-скую улицу, за прудом – ряды гаражей. На синем с краю белые большие цифры- «08». Постучите.

Все получилось в лучшем виде. В 2 часа ночи два банкомата были уже в гараже, где поджидали Янек с Арнольдом Марковичем. На вскрытие сейфов понадобился всего час. Петю, Рому и Эдика выгнали на улицу. Профессор прикладывал пальцы к стенке банкоматов, потом говорил что ему из инструментов нужно подать, что-то подковыривал, подламывал.

Куш в тот день оказался очень неплохим, почти 600 тысяч рублей. Молодые люди, получив свою часть добычи, побежали в ближайший ресторан, отмечать победу.

О похищении банкоматов написали газеты, сообщили по телевизору. Но подельники упорно продолжали работать каждую ночь именно в Ясенево. Брали не только банкоматы, но и платежные терминалы. За несколько дней Ян успел познакомиться с мыслями ребят. Нет, это были не студенты. Все трое из разных городов, праздные, никчемные личности, приехали в столицу зашибить деньги. Но работать не хотели, промышляли по мелкому – спекулировали спайсами, колесами, не гнушались даже обирать пьяных прохожих. В пивнушке, когда Куцка с ними познакомился, обдумывали план угона дорогого автомобиля «одного лоха».

На четвертый раз Куцка изменил точку конечного маршрута, велел пригнать фургон на пустырь в Капотне. Туда, где много промышленных прудиков с мазутными берегами.

Как только троица выпрыгнула из фургона, Янек подошел к Роме.

– Не нравятся мне твои мысли в последнее время.

– Что?

– Ты думаешь, что пора смываться за границу, а нас, с профессором, утопить в пруду. Вот хотя бы в таком. Так? А ты, Петя, мечтаешь забрать долю своих дружков, а их втихую сдать ментам.

– Ну, это... как бы, – замаялся Петя.

– Самый оригинальный из вас – Эдик. Он видит себя мэром своей родной Тмутаракани. Понимаю, Эдик, но вынужден разочаровать – ты слишком глуп для похода во власть. А еще ты хочешь сегодня, в тайне от своих приятелей, снять пару юношей и заняться с ними извращенным сексом.

Эдик сплюнул, сделал шаг вперед, явно намереваясь ударить Янека. Но поляк его опередил, уже отработанным движением, молниеносно выхватил из кармана связку ключей и воткнул длинный штырь в глаз Эдику. Тот, в отличие от Войцеха, не издал ни звука. Плашмя,

как сосновая доска, повалился в пруд. Странно, что не утонул, так и поплыл по воде, как лодочка.

Петя и Рома застыли.

– Ты что же, крысёныш, наделал? – прошипел наконец Петя.

Рома поднял с земли ржавую кривую железяку.

– Эх, ребята, – скучно с вами, ей богу, – вздохнул Куцка. – Но за помощь спасибо, век не забуду.

Он вынул из заднего кармана брюк дамский Браунинг 6-го калибра, купленный у цыган после первого удачного налета. Начал протирать платочком край ствола. Рома и Петя остановились в замешательстве, раскрыли рты. Наконец, развернулись, побежали. Да куда там. Глаз Яна был точен и словно снабжен тепловизором. Он стрелял не целясь, но был уверен, что не промахнется. Так и вышло. Каждому досталось по две пули в спины и еще по одной в головы.

– Профессор, ну где вы там? – позвал Куцка. – Я понимаю, вы человек интеллигентный, но помогите хоть трупы в воду спихнуть.

Из темного деревянного сарая вышел профессор, потыкал тела мыском ботинка.

– Славно вышло, быстро и почти без шума, – удовлетворенно потер он добрый нос. – Может, для верности головы камнем размозжить? Не надо? Ну как скажите. Больше красть банкоматы не будем. Грубо и опасно. Используем несколько иначе свои способности.

Придумали и отработали следующую схему – Куцка подходил к человеку возле банкомата и путем легкого, якобы случайного прикосновения к нему, узнавал пин-код его банковской карты. В этот момент люди, как правило, о нем и думают, боясь ошибиться в наборе цифр. Профессор вставлял в банкомат свою карту, набирал личный пин-код, а пальцами посылал в аппарат импульс ворованного кода. Он запрашивал не больше 300 рублей. Куцка же, стоя рядом, прикоснувшись к аппарату, делал запрос на 30—40 тысяч. О нечто похожем методе Касаткин вычитал в газете. Правда, там преступники использовали скимминговое оборудование – специальные считыватели информации, которые прикрепляли к банкоматам и воровали данные пластиковых карт. Природа дала профессору и Яну более широкие возможности.

Через раз, но срабатывало. И все было чисто. С карточки Касаткина списывалось именно 300 рублей. Понятно, что над банкоматами – видеокамеры, поэтому не снимали очень большие суммы, чтобы не трясти ими перед электронными глазами.

Профессору пришлось открыть счета в нескольких банках. Ездили по всему городу и за день, порой, набирали до полумиллиона. Вторую половину дня мотались по неприметным обменникам, переводили рубли в евро и доллары.

Но продолжаться долго это могло. Обворованные вкладчики поставили и банки, и полицию на уши, наблюдение за банкоматами усилилось. Неплохо было бы перебраться за границу и попробовать пощипать банкоматы там, однако Куцка наверняка находился в розыске по линии Интерпола. Российский-то паспорт ему купили у какого-то барыги на Ярославском вокзале. Тот показал Касаткину несколько документов и профессор выбрал физиономию мужика более или менее похожую на Янекову. И все равно с липой было опасно пытаться получить загранпаспорт. Фальшивка же не прокатит.

Планы роились в голове Арнольда Марковича, как пчелы в улье. В один прекрасный день он решил стать руководителем своего института. Это, по его мнению, открывало величайшие перспективы.

Нужно было избавиться от декана Лобова. И это сделали без всяких проблем. По большому счету, Лобов сам напросился. Подошел в пятницу к Касаткину и долго мялся, делая хитрые глазки.

– Ну, что надо? – не вытерпел Арнольд Маркович, забывший в последнее время о вежливости.

– Хочу сделать Тане Яковлевой предложение.

Таня была грудастой студенткой 5-го курса. Ужасно кокетливой и противной. То, что на неё женатый Лобов положил глаз, всем было давно известно.

– Делай, я здесь при чем?

– Одолжи на вечер свою квартиру, хочу так сказать, предложить руку и сердце в спокойной, домашней обстановке, под рюмочку. Не поведешь же ее в ресторан, дорого.

– Жмот. А куда свою жену денешь, в кислоте растворишь? Она хоть догадывается о твоей новой пассии?

– Ха-ха, смешно. Как только решусь, так и скажу, но сначала нужно получить твердое согласие Тани.

– Осторожный.

– Без этого нельзя. Очень не хочется остаться под старость с длинным носом.

Лобов не считал себя стариком, как Касаткин, хотя ему уже перевалило за 65. Был он лыс, коротконог. Его жирный, красный, с большими порами нос, почти всегда тёл.

– Ладно, дам тебе дубликат ключей. Только одно условие – никто об этом не должен знать. Приходите поздно вечером, поднимайтесь по черной лестнице. Так и быть, предоставлю тебе квартиру до самого утра.

– Конспирация! Ты настоящий друг! – возликовал Лобов.

– Разве сомневался? Оставлю вам даже хорошего коньяка.

Со стороны черного входа в подъезд не было видеорекамер, это Касаткин хорошо знал. Остальное было неважно и несложно.

Профессор, как и обещал, поставил на журнальный столик бутылку пятизвездочного Хеннесси, разумеется, предварительно подмешав в него сильного снотворного. После того как хлопнула дверь в квартиру, выждали на лестничной площадке верхнего этажа для верности час, вошли внутрь.

Парочка лежала на диване. У Тани была расстегнута блузка, видимо, Лобов спешно пытался удовлетворить основной инстинкт, но не успел, заснул, так же как и девушка.

Куцка, а по новому паспорту, довольно созвучно – Куницын Ярослав Андреевич, проверил на прочность телефонный шнур, накинуд его сначала на шею Лобова, перекрутив каменными руками, потом Тани.

Через пару минут все было кончено. Касаткин удовлетворенно кивнул, велел перенести тела в ванную, надел большие резиновые перчатки, широкий фартук. Кислотно-щелочной состав, который он специально заранее приготовил, растворил Лобова почти полностью, оставив на дне ванны лишь две золотые зубные коронки. От студентки Яковлевой не осталось и этого.

Институт, конечно, гудел. Мало того, что бесследно пропал декан Лобов, так исчезла и его тайная любовь Таня Яковлева. Приезжали следователи, пытались что-то разнюхать, но кроме того, что декан был без ума от студентки, ничего толком не узнали. Не известно к чему пришло следствие, но в институте все решили, что парочка просто сбежала за границу. Мол, Лобов нахапал на сторонних заказах и взятках денег, с ними и скрылся. А что еще старику нужно для полного счастья? – молодое женское тело и чемодан денег.

Через месяц стало ясно, что Лобов пропал окончательно и институту нужен новый декан. Касаткин дал кое-кому денег, которые теперь у него не переводились, сколотил круг единомышленников и на выборном собрании они предложили в деканы его кандидатуру.

Первым делом на новой должности Касаткин написал письмо в министерство с требованием выделить средства на реконструкцию института. Сделал Куцку-Куницына своим заместителем по хозяйственной части. Диплом об окончании МГУ ему приобрели без проблем. А уже от института Ярославу Андреевичу выписали настоящие бумаги и удостоверения.

Ян проветривал квартиру, когда на пороге показался тонкий, как карандаш, юноша. Длинные, не промытые темные волосы на узкой голове, свисающие чуть ли не ниже колен руки. Глаза рассеянные, равнодушные. Прямо какой-то имбецил. Его слегка подтолкнул в спину улыбающийся своей доброй улыбкой профессор Касаткин. Паренек споткнулся, чуть не упал. Проковылял к столу, сел на стул, сложив на коленях маленькие ладони. Янек даже чихнул от удивления и закрыл балконную дверь. Он теперь регулярно проветривал комнаты, но стойкий запах валокордина, уже впитался даже в обои. Арнольд Маркович беспокоил Куцку. Профессор делал серьезные дела не моргнув глазом, но на утро, как правило, у него наступал синдром раскаяния. Он не находил себе места, постоянно твердил, что он мерзавец, убийца, мутант и пил сердечные капли. Причем без меры. И так продолжалось уже несколько месяцев. У самого Яна подобных психологических депрессий уже не было давно. Окончательно они пропали после той троицы дегенератов, которых пришлось пристрелить и утопить в пруду.

– А почему у нас пахнет лекарствами и не слышно запаха коньяка? – весело спросил Касаткин. Он весь сиял как медный пятак. – Вот, знакомьтесь, – указал он рукой на застывшего на стуле длинноволосого юношу. – Мой студент – Анатолий Каблуков. Он так молод, что его можно называть просто Толя. Правда, Толя?

Толя издал неопределенный звук, начал что-то выковыривать из-под ногтя большого пальца.

– Ярослав Андреевич, не могли бы вы быть так любезны, достать из шкафчика армянского коньяку и порезать лимончик. Будем отмечать начало нашего нового совместного проекта.

Ян прошелся по комнате, подошел вплотную к Толе, взгляделся в его маленькие глаза.

– Зачем нам этот волосатый гвоздь? – спросил он грубо.

– Бур. Друзья его зовут Бур. Этот невыразительный с виду юноша – компьютерный гений. Способен вбурироваться в любую систему виртуальной защиты и взломать её за считанные минуты. Словом, талантливый хакер. Прошу к столу, господа, к столу.

Когда все уселись за круглым столом, профессор сам откупорил бутылку пятизвездочного коньяка, порезал лимон.

– Ну что ж, давайте, коллеги, выпьем.

Не дожидаясь «коллег» Арнольд Маркович махнул рюмку, следом сразу вторую.

Янек нехотя пригубил рюмку. Сегодня почему-то ему не хотелось пить.

– Мы с вами и сами способны взломать коды хоть Пентагона, хоть Центробанка, – сказал он ворчливо.

– Конечно можем, – кивнул профессор. – Но сначала нужно войти в их систему, запустить в нее вирус, чтобы получить доступ к кодам. Я лично не знаю как это делать, уверен и вы тоже. Но даже если войдем и взломаем, дальше что будем делать? Мы с вами ничего не смыслим в финансовых делах, а Толя смыслит, да еще как.

– И компьютерщик и финансист, – поморщился Куцка. – Когда этот... Толя успел все постичь?

– Для таланта нет ничего невозможного. Ну-ка, мальчик, расскажу с чего мы начнем.

«Мальчик» отодвинул в сторону рюмку, взял стакан, наполнил больше, чем наполовину и, далеко запрокинув голову, выпил. Недорезанные пол лимона засунул в рот. Мутный сок потек по подбородку, начал капать на скатерть. Туда же посыпались склизкие зерна. Сжал в руке вилку, опробовал пальцем острия и вдруг схватил Яна за шею, невероятно сильной, как оказалось, жилистой рукой притянул его лицо к своему. Вилку поднес к глазу. Куцка пытался высвободиться, но тщетно. Руки Толи держали его как клещи. Поляк почти сразу уловил его мысли: «Убью не моргнув глазом. Курить. Коньяк дрянно. Виртуальный счет».

– Не надо, – с трудом выдавил из себя Янек.

– Еще раз назовешь меня волосатым гвоздем, прикончу, – спокойно сказал Толя. – Понял?

– Понял.

Профессор же, наблюдая на эту картину, заливался смехом.

– Ну, что я говорил? Гений истинный гений, – сотрясаясь он всем своим тучным телом. – Успокойся, Толя. А то я буду вынужден вколоть тебе успокоительное.

– Тыфу! – потер шею Куцка. – Вы не иначе и ему какую-то генетическую гадость вкололи.

– Почему же гадость? Мы с вами чувствуем себя великолепно. И Толя тоже. Месяц назад я ввел ему хромосомы одного известного банкира. Приезжал к нам прошлым летом, да оставил пару волосков на спинке кресла. Рыжие, как у орангутанга. Оказалось, что этот финансист в 90-е годы был лихим бандитом. И вот вам результат. Ха-ха.

– Вы шутите? Нам только еще одного мутанта с рогами рядом не хватало.

Каблуков опять, было, дернулся, но Куцка сунул ему в нос Браунинг.

– Еще одно движение и твои гениальные мозги растекутся по стенам.

Профессор расхохотался пуще прежнего, замахал руками:

– Будет вам, господа, будет. Сейчас от смеха лопну, пожалейте старика. Я пошутил, ничего я Толе не колол. Это природный самородок. Почти. Его мама работает в Минфине, вот и научила кое-чему парнишку.

– Зачем же в институт биофизики пошел?

– Рыбок люблю, – ответил Толя, наполняя себе очередной стакан.

– Подожди пить, мальчик, расскажи-ка Ярославу Андреевичу с чего мы начнем.

– Дрянь ваш коньяк. Ладно. Сначала создам компьютерные вирусы для внедрения в международные платежные системы. Получу доступы к внутренней структуре управления банками, автоматизированным системам кредитных организаций. Например, сингапурским Monetary Authority of Singapore, DBS Bank или OCBC. Можно заняться малайзийским Maybank. Юго-восточная Азия – беспроигрышный вариант. Там активы живые. Набросаем фальшивых платежных поручений и в Центробанк. Операции внедрения буду проводить я, взламывать коды – вы.

Ян выкатил насколько можно глаза и не моргал несколько минут. От этого непромытого юнца, который, кажется, еще ни разу не брился, он не ожидал такой прыти. Да, велика Московия на таланты и всё на криминальные. Но тут же прикусил губу – еще неизвестно сколько на его собственной совести трупов. Остались ли живы Натуся с Войцехом? Впрочем, черт с ними, что за забота.

– Ну так, профессор, – сказал Толя и бесцеремонно полез в холодильник. Вынул бутылку водки. – Есть нормальный напиток, а поите всякой дрянью.

Отвинтил крышку, засунул горлышко в рот. Ян сбился со счета, считая бульки. Когда половина бутылки оказалась в желудке мальчика, он смачно рыгнул, дошел до кушетки и тут же повалился на нее. По квартире полетел его храп. Профессор развел руками:

– Все гениальные люди подвержены порокам, ничего не поделаешь.

– А вы не боитесь, что этот природный гений сдаст нас обоих в полицию или просто проболтается своим друзьям? Вы с ума сошли доверять прыщавым тинейджерам наши тайны? Неужели всё ему рассказали?

– Нет, конечно. О *Leiopathes annosa* и нашем эксперименте ему ничего неизвестно. Полная гарантия. Я пообещал ему и его подруге отличные оценки в полугодии, причем без экзаменов и зачетов. К тому же он жаден до денег и собирается перебраться в Австралию.

– Вы ему ничего не вкалывали?

– Боже упаси. А вот нам очередная порция генетической вакцины очень нужна. Придется делать заказ на Гавайях. Канал остался?

Ян прикусил губу. Никогда и ни за что он не сознается, что купил черный коралл на рынке Садовод. Профессор его просто в кислоте растворит, как бывшего декана Лобова.

– Нет! Канал закрыт.

– Ну, значит, придется нам ехать туда самим.

– Для чего новая инъекция?

Профессор хмыкнул, снял очки, а потом вдруг снял брюки и рубашку, оставшись в одних трусах. Через секунду стянул и их.

Куцка аж задохнулся:

– Что это значит, Арнольд Маркович? Вы совсем...?

– Ну что вы засмутились, как школьница в бане. Я не собираюсь вас соблазнять своими прелестями. Впрочем...

Повернувшись к зеркалу, Касаткин начал рассматривать свою спину, ягодицы и ноги.

– Ничего не замечаете?

Ян сразу увидел – по хребту профессора словно провели черту. Слева – обрюзгшая старческая плоть, справа – подтянутая, розовая кожа. Тоже конечно провисшая, но явно моложе противоположной.

– На правой руке у меня перестали крошиться ногти, закончил мучить артрит в правом бедренном суставе.

– Чем вы можете это объяснить?

– Тем, что ДНК коралла стали активно влиять на левое полушарие мозга, отвечающего за правую часть тела, а так же за речь и логическое мышление. Оно омолаживается! Я перестал шепелявить, насколько заметили, читаю уже без очков, в моей возросшей логике сейчас убедитесь. То, что наговорил нам тут этот мальчик – чепуха. Мне он нужен не для фальшивых платежных поручений для Центробанка. Я придумал гениальный план. Мир еще не знал такой аферы. Мы с вами за несколько минут заработаем сотни миллионов! Слушайте внимательно. Сейчас доллар торгуется на биржах по 76 рублей. Со взломанных компьютеров нескольких банков мы дадим команду на моментальную продажу, скажем, 500 миллионов баксов по демпинговой цене 60 рублей. Поняли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.